

Штрихи к портрету

Арсения ТАРКОВСКОГО

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ, которому на будущей неделе исполняется 80 лет, впервые опубликовал стихи в середине 20-х годов. Пожалуй, эта эпоха не так уж далека от нас, как может показаться, — работавшие в то время поэты, такие, как А. Ахматова, Б. Пастернак, Н. Заболоцкий, воспринимаются нами едва ли не как современники. Их стихи ближе читателю наших дней, органичнее выражают его переживания, душевный мир, чем многие публикующиеся сегодня стихотворные сочинения. И все же 20-е годы, поэзия тех лет бесконечно далеки. Тарковский вступил в литературу бок о бок с конструктивистами, минималистами, неоклассиками, ничевоками, представителями других группировок и группок.

Для того чтобы понять поэзию Арсения Тарковского, надо ощутить эту двойственную по отношению к нам близость — отдаленность эпохи его дебюта. Почувствовать порыв, творческое усилие поэта, преодолевающего толщу лет, обращающегося непосредственно к сегодняшним читателям, и в то же время остережся от бесцеремонного отождествления себя с человеком, чей жизненный опыт по богатству и драматизму несравним с опытом большинства из нас.

Откроем последнюю из вышедших книг — «Стихи разных лет». Поэт заново осмысливает пережитое. В начальной строфе первого же стихотворения дан образ, ключевой для понимания нерва поэзии и самой судьбы автора:

Чуют жилами старые сосны
Вешних смол ноченеющий лед.

Великолепный образ. В нем, как когда-то в пушкинском — лед и пламень, столкнулись два противоположных начала — воплощение обновляющейся жизни, роста, развития — вешние смолы и воплощение скованности — лед (чтобы еще более усилить впечатление, поэт прибегает почти к тавтологии, добавляя к слову «лед» эпитет «ноченеющий»). Сплавленные вместе противоборствующие в образе, эти начала делают его выражением идеи стойкости. Стойкости жизни, где-то в сокровенной глубине сохраняющей тепло, возможность роста, расцвета, несмотря на сковывающий ее лед.

Почему в этом образе я вижу ключ к творчеству А. Тарковского? Да потому, что он открывает нам множество его стихотворений — «Жизнь, жизнь», «Ночь под первое июня», «Стирка белья», «Дерева», «Кактус», «Верблюды». Во всех этих стихах (а их список можно было бы значительно расширить) центральная, стержневая идея — идея стойкости. Вот как она выражена в стихотворении «Дерева»:

С их плеч, когда зима придет,
Слетит убранный золотой;
Пусть отдохнет лесной народ,
Накопит силы на покой.

А листья — пусть летят они
Под снегом, ржавчина природы,
Сквозь щели сломанной брони
Живительные брызжут воды,

И двинется весенний сок,
И сквозит кору из черной раны
Побега молодого рога
Проглянет, нежный и багряный.

Уже знакомое нам сочетание — черная, омертвевшая ткань давней раны и новый побег, только проглядывающий, только начинающий рост. И вновь это сочетание двух противоборствующих начал рождает жизнеутверждающий пафос произведения.

Идея стойкости воплощена не только в стихах Тарковского, но и в судьбе поэта. Отсюда она и пришла в стихи. Продолжим экскурс в недавнюю историю литературы, с которого я начал статью. Тарковский вступил в поэзию в эпоху катастрофически быстрой смены стилей, лозунгов, имен. Все стремительно эволюционировало куда-то, уходило вперед, в грядущее, казавшееся более реальным, чем настоящее, или в прошлое, представлявшееся радикальным художникам того времени этакой черной дырой, метафизической пустотой. Но уходило, исчезало с литературной сцены не только названия группировок и их лозунги, уходили люди — среди них близкие, дорогие поэту — из искусства, из жизни...

И что ни человек, то смерть, и что ни
Былинка, то в огонь и под каблук...

— начинает стихотворец спор с судьбой. Он продолжает его в произведениях последних лет:

В снежном, полном веселости мире,
Где алмазная светится высь,
Прямо в грудь мне стреляли,
как в тире,
За душой, как за призом, гнались...

Клевета расстилала мне сети,
Голубевские, как бирюза,
Наилучшие люди на свете
С царской щедростью гнали в глаза.

Поэт устоял. Не пошел вслед за дорогими для него тенями (в стихах, где автор оплакивает их, показателен контраст движения — поразительный образ в стихотворении, посвященном памяти Н. Заболоцкого: «Твоя могила в белой шапке, как царь, проходит...» — и неподвижности: «Под небом северным стою...»). Но и не бросился в сети очередной «литературной моды». Не стал сочинителем стихотвор-

Я ветвь меньшая от ствола России,
Я плоть ее, и до листы моей
Доходят жилы, влажные, стальные,
Льняные, кровяные, костяные,
Прямые продолжения корней.

УРОК
СТОЙКОСТИ

ных реляций и рифмованных лозунгов. Тарковский не изменился, или, точнее, не изменил раз и навсегда избранным жизненным и творческим идеалам (о существеннейшем различии, кроющемся за этими похожими звучащими формулировками, я еще скажу).

Разумеется, стойкость поэта не следует воспринимать как проявление какой-то абстрактной самодостаточности. Тарковский хранил верность высоким традициям отечественной культуры, русскому слову и, когда это делалось необходимым, с оружием в руках встал на защиту родной земли и ее духовного наследия. Вспомним ахматовские строки: «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово» (созданное в годы войны стихотворение «Мужество» было отпечатано как листовка и расклеено на улицах блокадного Ленинграда). Арсений Тарковский — один из миллионов воинов, сохранивших дороге каждому ценности национальной жизни и культуры. Он — и это не метафора — заплатил за них своей кровью. Не случайно военные стихи — одни из наиболее выразительных и задушевных («Иванова ива») в его творчестве.

Тарковский в прямом смысле сберег слово русской классической поэзии, сохранил ее словарь. И, право же, какое наслаждение испытываешь, встречая в его стихах почти совершенно забытые современными стихотворцами слова: лира, душа, милосердие, правдолюбие, честь, творение. Тематика произведений Арсения Тарковского также в основном близка тематике русских поэтов «золотого» XIX века. У него много стихов на «вечные» темы — творчества, любви. Непривычно целомудренно и в то же время неожиданно интимно звучат в поэзии наших дней строки Тарковского, обращенные к женщине:

...и, просыпаясь:
«Будь благословенна!» —
Я говорил и знал, что дерзновенно
Мое благословенье: ты спала,
И тронуть вени синевой асфальта,
К тебе сирень тянулась со стола,

И синевой тронутые вени
Спокойны были, и рука тепла.

Чрезвычайно плодотворную в истории отечественной лирики традицию продолжает поэт, обращаясь к теме жизни и смерти. Ведь жизнеутверждение невозможно без борьбы с небытием. Может быть, именно потому, что Тарковский не боится говорить о смерти, он создал едва ли не самое оптимистическое в современной поэзии стихотворение — «Жизнь, жизнь»:

Предчувствиям не верю и примет
Я не боюсь. Ни клеветы, ни лая
Я не бегу. На свете смерти нет.
Бессмертны все. Бессмертно все.
Не надо
Бояться смерти ни в семнадцать лет,
Ни в семьдесят. Есть только лая и свет,
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы все уже на берегу морском,
И я из тех, кто выбирает сети,
Когда идет бессмертье косяком.

Верность традиции, чеканное мастерство стиха привлекают к творчеству Тарковского внимание все более широкого круга читателей. И это отрадно. В то же время сплошь и рядом стойкость поэта принимается за неизменность его поэзии. Одних эта неизменность восхищает, в голосе Тарковского они стремятся различить интонации мастеров, вместе с которыми он работал в 20—50-е годы (такое отношение проявилось в ряде статей и рецензий). Другие порицают его за статичность, при этом опять-таки сопоставляя созданное Тарковским с творчеством его великих современников, претерпевшим в 30—40-е годы резкую эволюцию.

На самом деле поэт менялся. Достаточно сравнить одно из ранних стихотворений, «Игнатьевский лес», со стихами, написанными в последние годы. В раннем стихотворении на первом плане самодевуляющая детализация («Ослизлые грибы в сырой траве растут, до самых сердцевин их проточили слизи, а кожу все-таки щекочет влажный зуд»). В поздних стихах мы такой детализации не найдем.

С годами глубже, личностнее осваивается русская классическая традиция. Сказывается и большой опыт переводческой ра-

боты, которой поэт отдает много времени. В зрелых стихах Тарковского различимы интонации великого слепца Абу-ль-Аля аль Маарри — выдающегося лирика арабского средневековья и классика туркменской литературы Махтумкули. Он ввел их в русскую поэзию, как когда-то И. Анненский — французских символистов, С. Маршак — Бернса, Б. Пастернак — грузинских «голуборожцев» и Николаза Бараташвили, но и сам органически воспринял сдержанное благородство и трагическую мощь их стихов.

И все же изменения, подспудно накапливавшиеся в творчестве Тарковского, кажутся незначительными на фоне резкой эволюции таких его старших современников, как Пастернак и Заболоцкий. Но следует учитывать их исходные позиции. Пастернак и Заболоцкий входили в литературу в русле радикальных группировок, в чьих художественных концепциях была заложена идея кардинального самообновления вплоть до отказа от собственного прошлого. С другой стороны, ни Пастернак, ни Заболоцкий по своему характеру радикалами не были, и это ускорило и обострило их эволюцию, одновременно выведя ее из-под контроля соответствующих литературных группировок. У Тарковского не было радикального прошлого, от которого следовало отказываться. Он с самого начала ориентировался на классику. Поэт развивался медленно, почти незаметно для стороннего наблюдателя, при этом — подчеркнем еще раз — никогда не оторвался от однажды избранных идеалов.

Логика обращения поэта к идеалам классического искусства — именно им верен Тарковский, драматичность его обращения к ним, на мой взгляд, не вполне осознается и его поклонниками. В последние годы интерес к классике широкой массы читателей усилился, что, конечно же, само по себе плодотворно. Но сравнимы ли наши культурные привязанности со страстной тягой к бессмертным традициям, захватившей в 20-е годы определенную часть художников, в том числе и совсем еще молодого тогда Арсения Тарковского?

У него есть пронзительное стихотворение о первых написанных им строчках. Вот в каких условиях они родились:

Брата старшего убили,
И отец уже ослеп,
Все имущество спустили,
Жили, как в пустой могиле,
Жили-были, воду пили
И пекли крапивный хлеб.

Вспомнив пережитое, поэт подытоживает:

Так познал я вдохновенье
В девятнадцатом году.

Другое стихотворение, «Стихи из детской тетради», позволяет уяснить, какие ценности вдохновляли голодного, выпавшего из привычного уютного быта подростка. «О, мать Ахайя, пробудись, я твой лучник последний...», — цитирует Тарковский собственные стихи из тетради 1921 года.

Как понятно и как по-человечески трогательно это обращение к «матери Ахайе», к античной культуре — символу неизменности, вечности в мире смертей и постоянной тревоги. Культура — античная, русская — нужна была ему для того, чтобы выжить. Есть было нечего, но было сознание причастности к классической культуре, и потому на вопрос «Кто я?» (а он постоянно звучит в стихах Тарковского) поэт мог ответить — не ветوشка.

В предельной обостренности поставленного, это вопрос 1919, 1920 годов, вопрос русской интеллигенции, которая в страшной разрухе выжила благодаря сознанию причастности к вечной культуре и тем самым сберегла ценности культуры для нас.

Вспомним об этом — и не покажутся ли праздными, непозволительно поверхностными восторги одних из нынешних «хвалителей» поэта, высокопарно именующего его «сыном гармонии» и рассуждающего об «образцовости» этой гармонии? Молодой критик при этом как бы начисто забывает о трагических обстоятельствах, в которых поэт обрел, нет — выстрадал гармонию.

Меня тревожит тенденция подменить духовное усилие, необходимое для постижения поэзии А. Тарковского, эстетическим, даже эстетствующим любованием стройностью, классичностью, рафинированностью его строк. Творца, всю жизнь остававшегося спасительно равнодушным к сменяющимся «литературным модам», подключают теперь к очередной моде. Вернусь к тому, с чего я начал статью, — недопустимо воспринимать творчество Тарковского вне исторической перспективы. Мы не имеем права забывать о трагедии, породившей такие привлекательные в своей гармоничности строки.

Творчество Арсения Тарковского — урок стойкости. Современной, несколько инфантильной поэзии, широкому кругу читателей этот урок, может быть, как никогда, необходим.

Александр КАЗИНЦЕВ